

НАТАЛЬЯ КОЛЯГИНА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: ОБЩЕЕ И РАЗДЕЛЯЮЩЕЕ» (Москва, 25–26 сентября 2013 г.)

25–26 сентября 2013 г. в Международном Мемориале состоялась конференция «Память о Холокосте в современной Европе: общее и разделяющее». Соорганизаторами «Мемориала» выступили два немецких фонда – «Память, ответственность и будущее» и Фонд им. Г. Бёлля. Участниками конференции стали учёные, представители организаций, занимающихся изучением проблем Холокоста, сотрудники музеев из Западной, Центральной, Восточной Европы – Германии, Италии, Польши, Венгрии, Украины, Белоруссии, Латвии, Молдовы и России. Речь шла о том, какую роль играет память о Холокосте в современных обществах, каково его значение сегодня; отдельная секция была посвящена вопросу современного антисемитизма.

То, что подобная конференция в России состоялась именно в Мемориале, во многом символично – память о ГУЛАГе, как и память о Холокосте, долгое время оставались вытесненными, исключёнными из общественного и политического сознания, не до конца осмысленными, не представленными в публичном дискурсе остаются они и поныне. По мысли социолога Бориса Дубина, в современной России «история, память, культура... не есть обобщение,

© Н. Колягина, 2014

осмысление и рафинирование опыта, а есть его подавление... И проблема и Холокоста, и памяти о войне, и памяти о ГУЛАГе – это три очень важные социально-культурные, социально-антропологические темы», – все они до сих пор требуют глубокой общественной рефлексии, исследовательской проработки, гражданского осмысления вне официозных рамок.

Помимо очевидных сближающих моментов в истории Холокоста и ГУЛАГа как историй предельного опыта лишения человеческих прав, обе темы поднимают важные вопросы индивидуальной ответственности для тех, кто воспринимает эту историю уже как прошлое. Выступавший на конференции Председатель правления Международного Мемориала Арсений Рогинский напомнил присутствовавшим тезис М.Я. Гефтера о том, что бытие после Холокоста требует «переменить не взгляд на жизнь, а саму жизнь», а также гефтеровский призыв «отказаться от духовного комфорта непричастности» и ощутить себя «наследниками всех», «в том числе и злодеев».

Важным объединяющим началом в изучении и темы ГУЛАГа, и темы Холокоста в пространстве Восточной и Центральной Европы, как показала конференция, оказалось и то, что длительное время, фактически на протяжении всего советского периода, память об этих событиях передавалась на культурном уровне, прежде всего, в диссидентской среде – в противовес официозному вытеснению и замалчиванию такого рода трагического прошлого. О неконформистской, культивируемой диссидентами, памяти о Холокосте в годы советского диктата говорили представители Польши, Германии, Латвии, Белоруссии, Молдовы, Украины, России. Исследователь из Международного Мемориала Алексей Макаров выступил с отдельным выступлением, в котором проанализировал формы неофициальной памяти о Холокосте в СССР. По замечанию Макарова, память о Шoa, помимо функции самоидентификации, которую она выполняла для многих советских евреев, отчасти брала на себя и роль формы сопротивления режиму, толкала многих людей, в том числе неевреев, на самоорганизацию, выражавшуюся в подписании петиций, борьбу за мемориализацию мест трагедии, участие в митингах памяти и др. Илья Ленский (музей «Евреи в Латвии») отметил, что на землях, присоединённых Советским Союзом в течение Второй мировой войны, память о Холокосте была одним из катализаторов национального самосознания в целом. Макаров и

другие выступавшие (Д. Берзиньш, И. Ленский, А. Тихомиров, М. Тяглый) напомнили о памятниках, воздвигнутых во времена СССР на местах Холокоста, в том числе и благодаря стараниям местных активистов (минская «Яма», памятник в Бабьем Яру, знак «Жертвам фашизма» в латвийской Румбуле и др.), об истории подготовки и проведения митингов в Киеве, в Румбуле, в лесу Бикерники под Ригой и др. Именно неофициальное искусство впервые подняло темы коллаборации с нацистами и неоднозначности военной истории (например, в латвийском фильме «Я всё помню, Ричард», легшем на полку). В то же время именно в диссидентских кругах часто получали свое оформление и противоположные тезисы – поднимались вопросы об отделении Холокоста как «чужой трагедии» в контексте идеи жертвенности собственной нации (Литва, Польша), высказывались сомнения в необходимости мемориализации того, что относится к «еврейской истории» (А. Макаров привел пример литовской полемики с Томасом Венцловой в 1976 г.), и даже звучало нежелание заниматься историей Холокоста по причине якобы того, что евреи ассоциировались с большевиками, установившими диктатуру в чужой стране (в случае Венгрии). А исследователь радикальных настроений социолог Рафаль Панковский (Польша) напомнил, что подпольное антикоммунистическое движение в Польше было окрашено в националистические тона и зачастую носило в том числе антисемитский характер.

В целом сравнение преступлений сталинизма и нацизма является популярным сюжетом современных исторических и околоисторических дискуссий, анализу которых было отдельно посвящено выступление немецкого историка Юргена Царуски. Царуски, напомнив о знаменитом споре историков 1980-х гг., связанном с фигурой Эрнеста Нольте, констатировал, что, по-видимому, точка в этом споре так и не была поставлена. Вопросы, которые ставят многие авторы популярных ныне книг, – может ли Холокост быть сопоставлен с преступлениями, которые проводил в своей политике Сталин (раскулачивание, искусственный голод, депортации народов, ГУЛАГ и др.)? Не подвергает ли опыт советской диктатуры сомнению беспрецедентность преступлений, совершенных Гитлером? Как относиться к опыту Прибалтики или, например, Западной Украины, где участие местного населения в преступлениях, осуществлявшихся СС, воспринималось тогда как часть сопротив-

ления советскому режиму? На первую часть вопроса – о правомерности отождествления двух преступных режимов – Царуски отвечает однозначно отрицательно. Он отметил, что подобного рода альтернативные построения часто основаны на спекуляциях и игнорируют многие исторические факты в угоду стройности идеологической аргументации. Коммунизм и нацизм имеют разные корни, и преступления этих двух диктатур вопреки заявлениям Европарламента нельзя уравнивать между собой. «Мне кажется, что современное европейское сообщество если и не переписывает историю, то немного играет с ней, говоря, что преступления Холокоста стали возможными благодаря пакту, подписанному Гитлером и Сталиным», – пояснил свою позицию исследователь.

Вторая часть вопроса, связанная с проблемой соучастия в преступлениях национал-социализма, была развита Хаббо Кнохом, директором Фонда «Мемориалы Нижней Саксонии», который заметил, что вопрос об отношении к пособникам нацистских преступлений всё ещё требует выработки, уточнения универсального подхода, и такой подход облегчил бы понимание происходившего и дискуссию о судьбе жертв.

Отдельный вопрос, затронутый на конференции, касался современных форм мемориализации Холокоста – как они проявляются на уровне музеев, памятников, образовательных практик. Стало понятно, что хотя отношение к теме Холокоста на постсоциалистическом пространстве имеет множество точек сходства в разных странах (например, наблюдается своего рода конкуренция жертв нацизма и сталинизма, жертв Холокоста и жертв войны в целом; есть определённые трудности, которые вызывает восприятие темы Холокоста в широком обществе), однако формы памяти о трагедии остаются в целом индивидуальными в разных странах. Существуют национальные традиции памяти и способы отношения к местам памяти, несмотря на транснациональность данной темы. Исследователи отметили, что многие инициативы, связанные с обращением к теме Холокоста на постсоциалистическом пространстве (включение этой темы в школьные программы, открытие музеев) во многом были инициированы Европейским Союзом, однако говорить в связи с этим о стандартизации коммеморативных практик, как выяснилось в ходе обсуждения, нельзя. «После того как наши коллеги из Западной Европы бросили в нашу почву зер-

на, мы должны возвращать плоды самостоятельно», – заметил директор музея «Евреи в Латвии» Илья Ленский, а днепропетровская исследовательница Татьяна Портнова уточнила: «В последние годы отмечаются, по крайней мере, единичные заявления о необходимости местного, самостоятельного голоса, об отказе от готовых способов описания, хотя бы следуя тому факту, что условия оккупации на территории СССР были иными, чем в Западной Европе. Скажем, цена спасения еврея была значительно выше – жизнь, а не более мягкое наказание».

В целом конференция показала продуктивность сравнительного подхода и позволила взглянуть на то, как выглядит общая ситуация относительно социальных проявлений этой темы в разных центрально- и восточноевропейских обществах. В то же время чрезвычайно плодотворным мог бы стать не только разговор об опыте отдельных государств, но также анализ типологических закономерностей, позволяющих более детально сравнивать конкретные практики обращения с этой темой, принятые в разных сообществах (скажем, сопоставление образовательных практик, законодательных инициатив, медиа-стандартов и т. п.).

В особую секцию конференции была вынесена проблема современного антисемитизма в Польше, России, Украине. Её участники отметили, что антисемитизм присутствует в социуме и, согласно соцопросам, разделяется значительной частью населения. «Он не является при этом самой распространенной, актуальной и острой формой ксенофобии. Зато он является частью культурного кода и неким идейным наследием радикального национализма на постсоветском пространстве» (Вячеслав Лихачёв, Евроазиатский еврейский конгресс). При этом антисемитизм совершенно не вызывает какой бы то ни было электоральной поддержки в Украине или России. В Польше, однако, как показал Р. Панковский, радикально-правые группы смогли пробиться в парламент и на протяжении короткого периода времени, с 2006 по 2007 год, были частью правой правящей коалиции. Однако в целом ситуация в этой стране довольно динамична и можно говорить об одновременном существовании разнонаправленных тенденций (на политическом уровне это выражается, например, в присутствии в польском парламенте представителей разных сексуальных либо этнических меньшинств или возросшей роли женщин-политиков). В целом, общими для разных стран являются следующие

щие моменты – лидеры радикально правых политических движений действуют так, «словно бы Холокоста не было», «словно евреи до сих пор находятся в Польше, обладают огромной властью. Они видят евреев везде» (Р. Панковский), подозревая своих идейных оппонентов в принадлежности к евреям (Ирина Карацуба). Кроме того, как убедительно показал В. Шнирельман (Институт антропологии и этнографии РАН), с отрицанием Холокоста оказывается тесно связан эсхатологический сюжет («Евреи зачем Холокост выдумали? Чтоб чувство вины у всего человечества вызвать, и заставить создать государство Израиль, а оно – прямая подготовка к приходу Антихриста, это же понятно», – В. Лихачёв). В России, по замечанию Б. Дубина, антисемитизм остается популярным еще и потому, что «русские хотели бы конкурировать с евреями за то, сколько перестрадали» – отсюда популярность разговоров о «русском Холокосте». В целом же, как отметили участники конференции, постановка вопроса о современном антисемитизме в связке с проблемой изучения Холокоста и форм передачи памяти о нём, очень продуктивна. В качестве пожелания по углублению темы была высказана идея помещать разговор о памяти о Холокосте в более широкий контекст изучения современной ксенофобии и нетерпимости.

Впрочем, своего рода продолжение подобного разговора на конференции можно было услышать в реплике итальянского историка Марии Феретти, которая в рамках своего доклада обратила внимание на обратное явление: этической и политической проблемой становится иногда и то, что память Шoa представляется настолько уникальной и важной, что мешает видеть то, что происходит вокруг; часто фиксация внимания на прошлом происходит из-за желания использовать его в политических целях. «Почему, например, нелегитимно говорить о трагедии палестинцев? Потому что все палестинцы террористы? Или потому что они “черные”? ...Если из Холокоста выводить урок, что он был направлен только на евреев, то извините. Очень важно, что это расизм, а не только антисемитизм, потому что первыми были евреи, а потом были остальные. ...Антисемитизм – самая высокая точка, но не единственная. Не нужно фиксироваться только на ней. И нужно иметь свободу критиковать», – подытожила Феретти.

Полная стенограмма конференции доступна по адресу: <http://www.urokiistorii.ru/pamyat-o-holokoste>.